HARVARD UNIVERSITY
DEPARTMENT OF HISTORY
201 ROBINSON HALL • CAMBRIDGE, MA 02138

TEL (617) 495-2556/2545
FAX (617) 496-3425

RUSSIAN LANGUAGE EXAM

Friday, September 17, 2004

Translate any **two** of the following passages into literate English. Put accuracy of the rendering before style, but try to be readable. You may use a dictionary.

I. Passage 1

"Наше Политбюро ЦК является органом оперативного руководства всеми отраслями социалистического строительства"[1], — заявил в докладе по организационным вопросам на XVII съезде ВКП(б) в феврале 1934 г. Л.М.Каганович, в то время секретарь ЦК ВКП(б), заместитель И.В.Сталина по партии. Однако даже такая характеристика лишь в некоторой степени определяла реальные функции Политбюро.

Формально, по партийному уставу, Политбюро, образованное как постоянный орган в 1919 г., было (наряду с Оргбюро и Секретариатом) исполнительной инстанцией Центрального Комитета. Политбюро избиралось ЦК для ведения политической работы и было подотчетно ЦК. Фактически Политбюро являлось высшим органом власти в СССР. Именно Политбюро предопределяло все основные направления развития страны (а также рассматривало массу сравнительно мелких и второстепенных проблем), выступало главным арбитром при разрешении ключевых межведомственных противоречий, непосредственно организовывало исполнение многих своих постановлений и старалось держать под тщательным контролем всю систему власти. Значительное количество принципиальных решений и акций, формально исходивших от различных государственных органов (например, ЦИК СССР, СНК СССР, СТО СССР) на самом деле были результатом деятельности Политбюро. Обязательному утверждению Политбюро подлежали все сколько-нибудь значительные инициативы партийных, государственных, комсомольских, профсоюзных и т.д. инстанций. Руководители Политбюро с полным основанием могли заявить: "Государство — это мы".

Будучи одной из важнейших проблем советской политической истории, деятельность Политбюро фактически еще не стала предметом специального всестороннего исследования, что прежде всего связано с состоянием источниковой базы. Немногочисленные работы, в которых делались попытки проанализировать эту проблему, были построены на опубликованных документах и материалах прессы[2]. В таких трудах поставлены важные вопросы, намечены возможные пути их изучения, сделаны некоторые оригинальные наблюдения,

II. Passage 2

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ СЕКРЕТАРЕЙ ССП СССР А.А.ФАДЕЕВА И В.Я.КИРПОТИНА СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б) "ОБ АНТИПАРТИЙНОЙ ГРУППИРОВКЕ В СОВЕТСКОЙ КРИТИКЕ"

10 февраля 1940 г.

В ЦК ВКП(б) - тов. Сталину
– тов. Молотову
– тов. Жданову
– тов. Андрееву
– тов. Маленкову

Условия работы советской критики нельзя считать вполне нормальными. Несколько лиц, организованных как группа, составляющих меньшинство критиков, оказались в исключительно привилегированном положении в области критики. В их руках всецело находятся "Литературный Критик", единственный литературоведческий и специально критический журнал на русском языке в СССР, "Литературное Обозрение", единственный библиографический литературный журнал. Группу поддерживает газета "Советское Искусство". Группе покровительствует работник литературного отдела "Правды" Трегуб, что отражается на подборе лиц, приглашаемых для сотрудничества в лит[ературном] отделе "Правды" и что используется группой для муссирования слухов об оказываемой им будто бы партийной поддержке. Руководящими лицами в группе являются Г.Лукач, Мих. Лифшиц, Е.Усиевич. Г.Лукач – человек очень путаной биографии, в начале своей деятельности неприкрытый буржуазный идеалист, впоследствии вступивший в венгерскую компартию, левак, о котором Ленин писал еще в 1920 г.: "Статья Г.Л. очень левая и очень плохая. Марксизм в ней чисто словесный" и т.д. (т. XXV, с. 291).

Политические и философские работы Г.Лукача неоднократно подвергались критике в советской печати за ревизию марксизма. Т. Лифшиц – кандидат в члены ВКП(б), Е.Усиевич – член партии.

В группу входят В.Кеменов, Гриб, Сац, М.Розенталь (редактор "Лит[ературного] Критика"), Ф.Левин (зам. редактора "Лит[ературного] Критика" и редактор "Лит[ературного] Обозрения"), В.Александров, Андрей Платонов, автор литературного пасквиля на колхозное движение "Впрок". Близки были к группе недавно арестованные критики Малахов и Рагозин. Зам. редактора "Лит[ературного] Критика" и редактор "Лит[ературного] Обозрения" Ф.Левин сам заявил на публичном собрании, что журналы, в которых он работает, представляют собой "идейное течение". Уж одно то, что два государственных журнала стали групповыми органами, органами какого-то "течения", является вопиющим безобразием. Однако, дело не кончается этим. По логике группового существования члены группы накопили много ошибок, вредных теорий, на которых они настаивают, которые они активно защищают, которые стали их линией. Вот главнейшие пункты их взглядов, являющихся буржуазно-либеральной ревизией марксизма.

III. Passage 3

В изданной недавно на немецком языке книге дерптского профессора русского права г-на Энгельмана[1] опять затронут старый вопрос, который столько раз и с таким напряженным вниманием обсуждался в нашей литературе и все еще остается нерешенным: это вопрос о происхождении крепостного права в России. К сожалению, надобно прибавить, что и книга г-на Энгельмана не снимает этого вопроса с очереди, не дает на него удачного ответа. Одною из причин этой неудачи и едва ли не главною причиной был важный пробел, допущенный автором. В исследовании о происхождении, развитии и отмене крепостного права в России читатель не находит точного и ясного юридического определения русского крепостного права, не видит, что разумеет автор под этим термином. По-видимому, автор не находил нужным задавать и самому себе предварительный общий вопрос о том, что́ это за институт, историю которого он задумал изложить. В кратком введении он отличает древнерусское холопство как от поземельной зависимости, основанной на договоре крестьянина с землевладельцем и соединенной с прикреплением первого к земле последнего (Hörigkeit), так и от крепостного права в собственном смысле (Leibeigenschaft)[2]. Холопство исстари существовало на Руси; договорная поземельная зависимость, соединенная с прикреплением к земле, устанавливается только с конца XVI в. Первое было институтом частного права, вторая — институтом права государственного. С тех пор как установилось поземельное прикрепление, оба института существовали некоторое время рядом в строгой юридической раздельности. С конца XVII в. правительство начало сближать и смешивать их один с другим, привлекая прежде свободных от тягла холопов к несению государственных повинностей, какие лежали на крепких земле тяглых крестьянах. Это уравнение холопов с крестьянами повело к тому, что и землевладельцы стали обращаться с теми и другими, как с крепостными (Leibeigene). Этот момент излагаемого автором исторического процесса и не разъяснен им достаточно; именно благодаря отсутствию определения крепостного права остается неясным, стали ли землевладельцы относиться к крепким земле крестьянам, как они относились прежде к холопам, или наоборот, или же, наконец, установилось какое-либо новое отношение к тем и другим, непохожее на прежние отношения ни к тем, ни к другим. Для разъяснения этого пункта читателю приходится собирать рассеянные по книге намеки, в которых вскрывается взгляд автора на сущность русского крепостного права. Но тут читатель встречается с новым затруднением.